

Надлежит обратить внимание еще на один факт, как-то отстраненный при создании и обосновании гипотезы об авторстве царя. Вопреки заявлениям Д. Н. Альшица об отсутствии «хотя бы намека»¹²⁹ в каких-либо источниках на события, изложенные в приписке под 1553 г., такой «намеки» имеется как раз в том отрывке Никоновской летописи, который сам Д. Н. Альшиц приводит в той же своей статье. Неизвестный автор этой части летописного рассказа пишет: «И то прииде грех ради наших и за превозношение наше: бог милосердие свое показал над Казанию, и в нас явились гордые слова, а не благодарные, и учали особ мудры быть, забыв евангельское слово: хто хочет в мире сем мудр быти, буй да будет. За многое за наше неблагодарение и в то время прииде грех ради наших, посети немощь православного нашего царя, прииде огонь велий, сиречь огневая болезнь; и збытсья на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца. Он, государь, добрый пастырь, егде возмог, тогда у бога милости просил и нас добре хранил и благорассудным его утверждением всегда сохранены есмь; и на мало время премолче к богу о нас моления простирати и нас на благо утвержати и вся злая и скорбная пострадала есма. Егда же бог не по нашим грехом своим праведным судом, не хотя грешных смерти, въздвиг от болезни праведного нашего рачителя всея Руси государя, и благочестивая оная душа, приав от бога ослабу телесным своим болезнем, просить ж вкупе и душевных облегчений и на молитву ся к богу простирает, и вся чины и суды и управы земские по бозе строяше и в Казань и в иные области своєю державы со утвержением посылаше, праведных миловать веляше, а злых наказывати з запрещением веляше».¹³⁰

Комментируя этот отрывок, Д. Н. Альшиц заявляет, что это описание царской болезни «не имеет ничего общего с рассказом приписки, заменившей это описание в Царственной книге».¹³¹ Он ошибается. Вся эта цитата из Никоновской летописи есть не что иное, как иносказание действительных событий 11—12 марта, оказавшее, к тому же, некоторое влияние на автора приписки под 1553 г.

В самом деле, центральное место рассказа — это евангельская цитата: «И збытсья на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца». Данные слова, понятные, конечно, древнерусскому читателю, взяты из Евангелия от Матфея, глава 26, стих 31. Они произнесены Иисусом и обращены к апостолам. «Тогда, — говорит им Иисус, — все вы соблазнитесь о мне в эту ночь, ибо написано (у ветхозаветного пророка Захарии, — Н. А.). поражу пастыря и рассеются овцы стада». Апостол Петр стал уверять Иисуса, что он не соблазнится. Но Иисус ему ответил: «Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня». Эта тема отречения «овец»-апостолов от «пастыря» и составляет предмет дальнейшего повествования в 26-й главе Евангелия от Матфея.

Разве приписка, использовавшая этот текст, не посвящена подобной же теме отречения «овец» — бояр от «пастыря» — Ивана IV? Заметим, кстати, что Висковатый внес своеобразную поправку в смысл евангельского рассказа: некоторые ближние думцы (и среди них он сам) остались верны Грозному и царевичу Дмитрию.

Упоминание о Казани в начале этого отрывка из Никоновской летописи заменяется в приписке расширенным апофеозом царской победы над «берсерменами». Туманный намек «и в нас явились гордые, а неблагодарные, и

¹²⁹ Д. Н. Альшиц Происхождение и особенности источников , стр. 274

¹³⁰ ПСРЛ, т XIII, ч 1, стр 230—231

¹³¹ Д. Н. Альшиц Происхождение и особенности источников , стр 275.